

Обычное оружие не способно пробить мощную внутреннюю энергию, которую Хай Дафу оттачивал десятилетиями, но клинок в руках Ли Чаньгэ был не из простых.

Удар ладонью, нанесенный левой рукой, был сокрушительным. В представлении Хай Дафу Ли Чаньгэ, не имевший ни капли внутренней силы, должен был мгновенно погибнуть от разрыва внутренних органов.

Будучи уверенным в том, что Ли Чаньгэ мертв, Хай Дафу довольно рассмеялся, пошел в заднюю комнату за аптечкой и принялся перевязывать рану на руке.

— Слишком легко ты отделался, щенок, — пробормотал он.

Закончив перевязку, Хай Дафу вышел из дома и направился к тому месту, где упал Ли Чаньгэ. Он знал свой дом как свои пять пальцев: где и что лежит, он мог найти с закрытыми глазами.

Обыскав двор, он к своему удивлению не обнаружил ни тела Ли Чаньгэ, ни того острого клинка. Хай Дафу охватили сомнения, хотя он все еще не верил, что кто-то мог пережить такой удар.

Безуспешно проискав довольно долго, он решил больше не тратить время впустую.

— Неужели после того удара он не испустил дух сразу и нашел в себе силы уползти? Впрочем, даже если он еще теплится, жить ему осталось недолго.

Ли Чаньгэ, привалившись к дворцовой стене за пределами двора, тяжело дышал. От удара Хай Дафу в груди словно все кости переломались, каждое движение причиняло невыносимую боль. Чтобы не закричать, он до крови закусил губы.

Опасаясь, что Хай Дафу выйдет добить его, Ли Чаньгэ, собрав остатки сил, поднялся и, не смея медлить ни секунды, побрел прочь от двора. Расстояние в тридцать шагов показалось ему бесконечно долгим.

Если бы не целебная вода из источника, которую он пил каждый день, даже защитный доспех не спас бы его от такого удара.

Едва покинув двор, Ли Чаньгэ от боли едва не потерял сознание. Собравшись с духом, он достал нефритовый флакон — тот, в котором оставалось меньше всего эссенции. Дрожащими руками он откупорил сосуд и опрокинул его в рот. Не успел он сделать и глотка, как флакон опустел.

Однако эффект был поразительным. Эссенция, стекая по горлу в желудок, превратилась в волны тепла, разлившиеся по груди. Приятное покалывание заставило его почувствовать, как сломанные ребра срастаются с невероятной скоростью, а рваные раны на теле затягиваются на глазах.

Даже разбитые зубами губы зажили, а по всему телу разлилась легкость, какой он не ощущал никогда прежде.

Ли Чаньгэ почувствовал, что боль в груди утихла. Он попытался встать, но внезапно почувствовал тошноту и, опершись о стену, изрыгнул сгусток черной зловонной ядовитой

крови.

После этого он с радостью нащупал живот — боли не было. Он не ошибся: эта эссенция не только лечила раны, но и выводила яд. Угроза жизни миновала, и он почувствовал себя совершенно свободным.

Во рту остался неприятный привкус, и Ли Чанъгэ прополоскал его водой из источника. Воды было вдоволь, так что он не жалел ее.

Увы, за последние полгода ни капли самой ценной эссенции не скопилось — каменная чаша оставалась пустой.

Подумав об этом, Ли Чанъгэ пожалел, что выпил так много. Возможно, хватило бы и пары капель, а теперь он просто зря перевел драгоценное зелье.

У него осталось всего два флакона — по сути, на два глотка. Неизвестно, когда появится новая эссенция, поэтому он решил впредь беречь ее для самых крайних случаев, расходуя по капле.

Он вел расчеты с такой тщательностью, словно заправский скряга.

Ли Чанъгэ подобрал кинжал, спрятал его в сапог и после долгих раздумий решил отправиться во дворец Цынин. Похоже, вдовствующая императрица ему не ровня, но Хай Дафу должен умереть, иначе, когда тот вернется, погибнет он сам!

Не теряя времени, Ли Чанъгэ, избегая патрульных стражников, направился к дворцу Цынин и бесшумно проскользнул внутрь.

Во дворе царила тишина. Чем дальше он продвигался, тем больше видел служанок и евнухов, лежащих на земле без чувств. Сердце Ли Чанъгэ бешено колотилось, он старался ступать как можно тише.

Приблизившись к покоям императрицы, он услышал голоса, доносившиеся оттуда, где горел мягкий свет.

Один голос был мрачным, старческим, резким и хриплым.

Другой — куда более приятным, словно звон колокольчиков или журчание ручья, но в нем скрывался ледяной холод.

Ли Чанъгэ затаился в зарослях, замедлив дыхание, и через просветы в листве стал наблюдать за беседующими.

— Что он... что он делает на горе Утай, в монастыре Цинлянь? — голос вдовствующей императрицы слегка дрожал, в нем слышалось волнение.

Хай Дафу холодно ответил:

— Неужели ваше величество действительно хочет знать?

— Еще бы, — отозвалась вдовствующая императрица. — Конечно, хочу.

Хай Дафу тяжело вздохнул:

— Хозяин решил отринуть мирскую суету и принял монашество.

...

— Хозяин наказал мне ни в коем случае не проговориться, — продолжил Хай Дафу. — Строго-настрого запретил вам и императору знать об этом. Сказал, что раз император взошел на трон и в стране воцарился мир, он может быть спокоен.

Вдовствующая императрица пришла в возбуждение, в ее голосе зазвенел лед:

— Тогда зачем ты мне это говоришь? Я не хотела знать! В его сердце была только эта соблазнительница, больше никто. Мы с сыном, страна, наследие предков — всё это ему стало не нужно...

Ли Чанъгэ молча слушал их перепалку, сопоставляя услышанное с тем, что хранила его память. Кое-что не сходилось: например, фальшивая императрица, похоже, питала чувства к императору Шуньчжи, иначе она не была бы так разгневана, когда Хай Дафу упомянул наложницу Дун-э.

Казалось, император Шуньчжи действительно предал и бросил ее. Эмоции императрицы показались Ли Чанъгэ странными, но он набрался терпения и продолжил слушать.

Конечно, нельзя было исключать, что она просто притворяется.

...

— Рядом со мной был маленький евнух по имени Сяо Гуйцзы, — сказал Хай Дафу. — Император очень полюбил его, они каждый день боролись. Но в семи или восьми случаях из десяти император проигрывал.

— Я понял, что за спиной императора стоит сильный мастер, скрывающийся во дворце. Кроме Сяо Гуйцзы, у императора не было доверенных лиц... если не считать частых визитов к вам с поклонами.

— Вот оно что, — усмехнулась императрица. — Столько слов, и все лишь ради того, чтобы высказать догадку, не имеющую доказательств. Вероятно, ты сам подговорил Сяо Гуйцзы бороться с императором, чтобы выведать, кто этот мастер.

Хай Дафу невозмутимо продолжил:

— Император владеет ладонью Восьми триграмм и блуждающего дракона. Тот, кто обучил его этому, скорее всего, мастер ладони Разложения костей с Острова змей!

При упоминании ладони Разложения костей взгляд императрицы стал острым, она затеребила длинный золотой наконечник на мизинце.

— Как глубоко ты копаешь. Ну и что, нашел ты учителя императора?

...

— Маленький мерзавец Сяо Гуйцзы отравил меня, ослепив, — сказал Хай Дафу. — К тому же я

сбил дыхание при тренировках, теперь постоянно кашляю, задыхаюсь и болею. Поручение старого императора я выполнить уже не смогу.

Услышав, что Хай Дафу ослеп из-за Сяо Гуйцзы, императрица прониклась к тому симпатией.

— Сяо Гуйцзы, говоришь? Хороший мальчик, послушный. Завтра же я его щедро вознагражу.

Хай Дафу лишь горько усмехнулся:

— Благодарю за милость. Сяо Гуйцзы на том свете обязательно оценит вашу доброту.

— Ты его убил? — удивленно спросила императрица. Она-то думала, что Сяо Гуйцзы — человек Хай Дафу.

Ли Чанъгэ скривил губы и подумал про себя:

— Я вовсе не мертв. Ты, старая черепаха, сдохнешь, а я — нет!

<http://bllate.org/book/19451/1907803>